

УДК 81'1

Фадеева Е.В.*Академия Федеральной службы охраны России (г. Москва)***СПОСОБЫ ЯЗЫКОВОГО ВЫРАЖЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ДИСКОМФОРТА НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

Аннотация. Статья посвящена проблемам изучения такой ситуации диалогического взаимодействия как дискомфортное общение. Автор рассматривает данное явление не только как коммуникативно-аномальную ситуацию, но и приводит пример успешной коммуникативно-дискомфортной ситуации. Далее анализируются способы языкового выражения коммуникативного дискомфорта с системных позиций. Автор подтверждает примерами наличие языковых показателей коммуникативного дискомфорта на всех уровнях лингвистического анализа.

Ключевые слова: коммуникативный дискомфорт, метакоммуникативный показатель, уровни лингвистического анализа: фонетико-фонологический, морфемно-морфологический, лексико-семантический, синтаксический.

E. Fadeyeva*The Academy of Federal Security Guard Service of the Russian Federation (Moscow)***MEANS FOR LANGUAGE EXPRESSION OF COMMUNICATIVE DISCOMFORT AT DIFFERENT LEVELS OF LINGUISTIC ANALYSIS**

Abstract. The article is devoted to the problems of studying a situation of dialogue interaction called communicative discomfort. The author considers this phenomenon as both unsuccessful and successful communication. Then means for language expression of communicative discomfort are reviewed. The author exemplifies language indicators of communicative discomfort and proves their existence at all levels of linguistic analysis.

Key words: communicative discomfort, metacommunicative indicator, levels of linguistic analysis: phonetic and phonological, morphemic and morphological, lexical and semantic, syntactic.

Современные лингвисты широко обсуждают вопросы структурной, семантической и прагматической характеристик диалогической речи. Такая коммуникация регулирует межличностное общение, включая в себя речевой обмен с позиции говорящего и слушающего. Рассматривая проблемы взаимодействия коммуникативно-целевых характеристик речевого акта

и свойств используемых языковых средств, способствующих или мешающих осуществлению намерений коммуникантов, учёные разграничивают благоприятные и аномальные ситуации диалога, рассматривая успешные и неуспешные ситуации общения.

По мнению многих лингвистов, успех или неуспех коммуникации зависит от выбранных участниками общения языковых средств, с помощью

которых они решают свои коммуникативные или практические задачи. Основными понятиями коммуникативной лингвистики являются условия успешности речевого общения и принципы организации эффективной коммуникации. Таким образом, коммуникантам рекомендуется, общаясь, отбирать определённые языковые единицы для достижения искомых целей.

На наш взгляд, такой подход имеет несколько идеализированный характер. В речевом общении, безусловно, люди стремятся реализовать свои цели (и коммуникативные, и практические) и выбирают определённые тактики и стратегии диалогического взаимодействия. Для успешной коммуникации желательно, чтобы участники общения обладали некой коммуникативной грамотностью, коммуникативной компетентностью, дабы избежать коммуникативно-аномальных ситуаций. Коммуникативную грамотность И.А. Стернин определяет как знание коммуникативных законов, приёмов и правил эффективной (устной и письменной коммуникации) [11, с. 48]. Понятие коммуникативной компетентности сейчас активно обсуждается многими учёными. В основе различных трактовок этого понятия лежит стремление участников диалога к бесконфликтному речевому взаимодействию и, конечно, эффективному общению. Отличие коммуникативной компетентности от коммуникативной грамотности состоит в том, что предполагает наличие у коммуникантов способности регулировать межличностное взаимодействие в определённой ситуации общения, а не опираться на стандартные ситуации диалогического взаимодействия. Однако «в чистом виде»

успешная коммуникация – это такое эффективное общение, к которому, безусловно, следует стремиться, но которое в рамках диалогового взаимодействия встречается редко, так как в речи, в силу различных обстоятельств, происходят непредвиденные ситуации (сознательно создаваемые или нет), которые и приводят к коммуникативно-аномальным ситуациям.

Многие зарубежные и отечественные лингвисты посвятили свои работы исследованию аномальных коммуникативных ситуаций, в частности, Дж. Остин, Дж. Серль, Т.А. ван Дейк, Дж. Лич, Г.П. Грайс, Н.Д. Арутюнова, Б.Ю. Городецкий, Л.П. Семеновко, В.З. Демьянков, И.М. Кобозева, Е.В. Падучева, А.А. Романов, Н.К. Кънева, И.Н. Горелов, К.Ф. Седов, Б.С. Кардинский и др.). Эти учёные занимались, в основном, коммуникативными неудачами, конфликтами, осечками, злоупотреблениями. [3, с. 51-53; 4, с. 209-258; 5, с. 56-65; 7, с. 32-35]. Предметом нашего пристального внимания являются ситуации, так называемого, коммуникативного дискомфорта (КД). На наш взгляд, данное явление ещё недостаточно изучено в современной лингвистике. Между тем ситуации такого рода занимают особое место в ряду типовых отклонений от некоторой «идеальной» ситуации общения. Представляется вполне очевидным то, что проблема коммуникативного дискомфорта не менее существенна при описании динамики коммуникативного акта, чем проблема коммуникативных неудач, уже хотя бы потому, что намеренное создание КД-ситуаций отражает достаточно важные вехи стратегической линии речевого поведения коммуникантов.

Причины и следствия коммуникативного дискомфорта подробно описаны в монографии Л.П. Семененко «Аспекты лингвистической теории монолога». Автор этой работы рассматривал проблему КД относительно источников его возникновения. Л.П. Семененко определяет коммуникативно-дискомфортную ситуацию как произвольное или непроизвольное отклонение от «идеально комфортной» коммуникативной ситуации. То есть существуют определённые препятствия, мешающие осуществлению комфортного общения, в рамках которого говорящие имели бы возможность в полном объёме реализовать свои коммуникативные намерения и /или ожидания [10, с. 74-105].

Е.М. Мартынова определяет понятие «коммуникативный дискомфорт» как «особое негативное интенциональное состояние, возникающее в рамках неуспешной или квазиуспешной коммуникации» [6, с. 17-20].

Приведём примеры коммуникативно-дискомфортных ситуаций.

(1) *Барбара смотрела в пол. Страдала. Что-то её мучило.*

– Я хочу тебе кое-что предложить, – проговорила Барбара.

«Лиловый костюм», с надеждой подумала Марина.

– Выходи за меня замуж! – Барбара вскинула глаза. Они были синие, страдающие, с осколками стекла.

Марина так давно ждала серьёзно-го предложения. И вот дождалась. От Барбары.

– А кем ты будешь: мужем или женой? – спокойно спросила Марина.

– А какая разница? – растерялась Барбара.

– Ну как же... Если ты жена, то ты для меня старая. Тебе уже 33 года. Я в

свои годы могу найти и помоложе. А если ты муж, то ты для меня бедный. И скупой.

– Почему бедный? У меня есть компьютер...

Марина не поняла: продолжает ли она в её тоне или отвечает серьёзно.

Барбара подняла лицо. По щекам шли слезы. [12, с. 38]

В рассматриваемом примере, очевидно, что один из коммуникантов (Барбара) испытывает дискомфорт. Ей трудно вести диалог. Авторское описание её негативного состояния свидетельствуют об этом: *смотрела в пол* (невербальный показатель подавленности), *что-то её мучило* (автор использует глагол, в котором присутствует компонент с отрицательной семантикой), глаза Барбары описываются как *страдающие, с осколками стекла* (вновь используется лексика с отрицательной семантикой, а глаза автор сравнивает с осколками стекла, образ которых ассоциируется не просто со слезами, но и с чем-то разбитым, разрушенным). В конце диалога коммуникант уже не может сдерживать эмоции – слёзы «выдают» её страдания. Несмотря на то что Барбара, в надежде что-то исправить в отношениях, пытается, «хватаясь за соломинку», снять испытываемый ею дискомфорт, «не замечая сарказма» Марины, понимает, что ее тактика и стратегия ведения диалога «не срабатывает» и общение заканчивается коммуникативной неудачей – Барбара не достигает своих практических целей. Второй коммуникант (Марина) тоже испытывает некий дискомфорт. Её ожидания (*получить в подарок лиловый костюм*) не реализуются, что говорит о том, что ни практические, ни коммуникативные цели

участников общения не совпадают. Более того, Барбара «наступает на любимую мозоль» Марины (та уже давно мечтает выйти замуж, ну уж явно не таким образом), что вызывает сарказм с ее стороны (возможно, даже скрываемую злость на Барбару), что тоже свидетельствует об испытываемом ею дискомфорте. Таким образом, в данном случае само поведение коммуниканта является показателем его дискомфортного состояния.

Рассмотрим ещё один пример ситуации коммуникативного дискомфорта.

(2) *Возвратясь домой, Вольтцев был так уныл и мрачен, так неохотно отвечал своей сестре и так скоро заперся к себе в кабинет, что она решилась послать гонца за Лежневым. Она прибегала к нему во всех затруднительных случаях.* [13, с. 270-271]

Пример (2) отличается от (1). Здесь описание ситуации ведётся от лица внешнего наблюдателя. Очевидно, что данная ситуация неблагоприятна для общения. Участник коммуникации, испытывающий дискомфорт – Вольтцев – выражает нежелание продолжать общение – неохотно ответив на вопросы сестры, он запирается в своём кабинете, таким образом, прекращая разговор. «Уныл и мрачен» – так автор описывает дискомфортное состояние Вольтцева, что является показателем КД. Но следует отметить, что Вольтцев не единственный участник общения, испытывающий дискомфорт. Возможно, что и его сестра тоже испытывает КД, о чём свидетельствует её попытка устранить коммуникативную неудачу, вызванную коммуникативным дискомфортом, который испытывал Вольтцев – она послала за Лежне-

вым (третьим возможным участником коммуникации) в надежде на то, что последний сможет изменить ситуацию и снять дискомфорт.

Проанализировав данные примеры, можно сделать вывод о том, что коммуникативно-дискомфортные ситуации отличаются наличием особых сигналов (показателей), которые свидетельствуют о том, что участники такого речевого общения испытывают некое «неудобство», которое может помешать осуществлению планируемых целей и /или намерений. Ситуативные показатели дискомфорта общения мы рассмотрели в статье «Опыт типологического описания ситуаций коммуникативного дискомфорта по метакоммуникативным показателям» [14, с. 308-311].

Приведём ещё один пример КД-ситуации.

(3) – *А что всё-таки произошло? – спросил, входя в учительскую, Борис Евсеевич. – Терроризм в советской школе?*

И тут все, находившиеся в комнате, одновременно стали излагать каждый свою версию.

...

– *Все-таки размазня этот ваш Максим Эдуардович, – возмутился Чугунков. – Разве можно руку заламывать, если не умеешь! И вообще сообщать надо: Бабкину за длинный язык леца дашь – он хихикает, а Кирибеева я никогда не трону, наоборот, он у меня за старшего!*

– *Виталий Сергеевич! – насмешливо заметила Казаковцева. – Вы же спортсмен!*

– *Против лома, Елена Павловна, нет приёма! – твёрдо и серьёзно объявил Чугунков. – Взрослых мужиков*

приводите, я вам троих за минуту положу, в корсетах ходить будут! А сопляки, как волчата, – не отобьёшься. Стамеску в печень и – летите голуби!

– Что точно – то правильно! – подтвердила Евдокия Матвеевна с той безысходностью, какая охватывает советского зрителя после фильмов о преступлениях итальянской мафии.

– Когда я училась в школе, – Алла от волнения закурила прямо в учительской, – такое в кошмарном сне не могло привидеться!

– Даже когда я училась, такого не было! – простодушно и неудачно поддержала Елена Павловна.

– А когда я учился, – вдруг заговорил Борис Евсеевич, и повеяло седой древностью, – такого тоже, кажется, не было, но вот в 1864 году в первой киевской гимназии учитель французского языка ударил ученика Можайского, за что его посадили в карцер...

– Кого посадили-то? – уточнила Гиря.

– Ученика Можайского, а товарищи пытались его освободить. Начались беспорядки, вызвали полицию...

– А теперь бы посадили учителя! – неизвестно чему обрадовался Чугунков.

– А Макаренко в педагогических целях ударил своего воспитанника! – звонко и убеждённо сообщила Валя Ральф [8, с. 101-102]

В примере (3) участники речевого обмена оживленно обсуждают вопиющий случай, произошедший в школе. Каждый из них, безусловно, испытывает некое нервное напряжение, о чём свидетельствуют эмоционально окрашенные слова, отражающие психологическое состояние говорящих (в частности, *подтвердила Евдокия Матвеевна с той безысходностью, какая охватыва-*

ет советского зрителя после фильмов о преступлениях итальянской мафии); глаголы с негативным коннотативным значением (возмущался Чугунков); слова с отрицательной семантикой, относящиеся к сленгу (*размазня, сопляки, как волчата*); а также невербальный компонент коммуникации (*Алла от волнения закурила прямо в учительской*). В данной коммуникативной ситуации имеются показатели, которые сигнализируют о том, что коммуниканты испытывают дискомфорт, соответственно мы имеем дело с КД-ситуацией. Однако общение протекает в соответствии с правилами успешного диалогического взаимодействия: коммуниканты в полной мере реализуют свои коммуникативные намерения и /или ожидания. Об этом свидетельствуют следующие метакоммуникативные показатели (авторские описания коммуникативного акта) и реплики участников речевого обмена: *твёрдо и серьёзно объяснил Чугунков; Что точно – то правильно! – подтвердила Евдокия Матвеевна* и т. д. Достаточно напряженное (изначально) общение, постепенно переходит в позитивное русло: *неизвестно чему обрадовался Чугунков, звонко и убеждённо сообщила Валя Ральф*. Сам предмет обсуждения – драка ученика и учителя – уходит на второй план и коммуниканты «дружно» демонстрируют понимание и солидарность. Такую коммуникацию можно считать успешной. А это противоречит определениям КД-ситуации, рассмотренным выше.

Следовательно, мы считаем возможным уточнить понятие явления «коммуникативного дискомфорта» и трактовать его как ситуацию общения, в которой присутствуют метакоммуникативные сигналы напряжённого обще-

ния, которые могут помешать участникам реализовать свои коммуникативные намерения и /или ожидания. На наш взгляд, КД-ситуации, занимая свою особую нишу в ряду коммуникативных ситуаций, могут относиться как к успешному, так и неуспешному общению, что было проиллюстрировано примерами.

Исследуя сигналы дискомфорта общения, мы приходим к выводу, что средством выражения таких сигналов могут являться языковые показатели, используемые авторами текстов. Для выявления языковых показателей КД мы использовали корпус примеров, представляющих фрагменты диалога между персонажами художественных произведений или авторские описания тех или иных коммуникативных ситуаций. Мы убедились, что способы языкового выражения КД можно наблюдать на всех уровнях лингвистического анализа: фонетико-фонологическом, морфемно-морфологическом, лексико-семантическом, синтаксическом. [15].

Проиллюстрируем наше предположение некоторыми примерами.

(4) Елена Павловна опустила глаза на кулон с электронными часиками, подошла к доске, выбрала мел подлиннее и учительским почерком начала писать задание на дом, вызывая привычный ропот класса.

– Ой, как мно-о-ого! – заволновались дети, с малолетства приучающиеся к корректировке планов.

– Ну хорошо, – согласилась Казаковцева, – выучить новую лексику и повторить тему «Моя семья». Буду спрашивать! [8, с. 7]

Данный пример иллюстрирует языковое выражение КД на фонетико-фонологическом уровне лингвистического анализа. Об испытываемом

дискомфорта коммуникантов (учеников) свидетельствует их «дружное» употребление слова «много» в несколько необычной манере. Вариант фонемы «о» звучит протяжно, что не является типичным для русского языка, в отличие, например, от английского языка, где гласные звуки делятся на долгие и краткие. Таким образом, пытаясь нейтрализовать свой дискомфорт, дети применяют, видимо, уже отработанную тактику выражения своего недовольства. Ученики добиваются своих коммуникативных и практических целей, в отличие от учителя, которому приходится корректировать свои намерения и ожидания.

Далее мы рассмотрим пример языкового выражения КД на морфемно-морфологическом уровне лингвистического анализа.

(5) – *Слушал я, слушал, господа, про что вы толкуете, и вижу, что просто вы из пустого в порожнее перепускаете. Ну, положим, что у господ немцев есть хорошая, твёрдая воля, а у нас она похрамывает – вес это правда, но всё-таки в отчаяние-то отчего тут приходиться? Ровно не от чего...*

– Как не от чего? – парень в красной рубашке стал ерепениться – Столкновение будет!

– Ну что же такое, если и будет?

– Они нас вздуют...

– Ну, как же! – старик стал негодовать и нервно разливать чай.

– Да разумеется, вздуют! – парень выскочил из-за стола и начал бегать по избе. – И на вас, стариков, не посмотрят!

– Чтобы ты знал, мы, старики, ещё пороку дадим, а вот молодые... Эх, да чего с тобой ругаться, – он вышеркал из избы и сел на крыльцо дымить [9, с. 10].

Данная конфликтная ситуация не вызывает сомнения в том, что оба коммуниканта испытывают дискомфорт. В рассматриваемом примере способов его выражения достаточно много. Но мы хотели бы сосредоточить ваше внимание на употреблении слова *вышеркал*. Безусловно, ни в одном словаре такое слово не зарегистрировано. Большой толковый словарь даёт объяснение лишь слову *шаркать* – ‘производить шорох, шум, трение (при ходьбе, движении)’ – и приводит следующий пример: «Старик еле идёт, шаркает» [1]. Присоединение морфемы (приставки *вы-*) к основе слова *шаркать* образует новое слово, которое может означать, что коммуникант, сильно испытывающий дискомфорт, пытается прекратить коммуникацию как можно быстрее, но, в силу возраста, не может позволить себе выбежать из избы и унять своё негодование.

Вполне понятно, что существует огромное множество примеров, подтверждающих языковое выражение коммуникативного дискомфорта на лексико-семантическом уровне лингвистического анализа. Отрицательные эмоции, испытываемые человеком в ситуациях дискомфортного общения, ярко представлены в языке. О том, какими способами выражаются эти негативные эмоции, подробно писала Ю.С. Булгакова в своей статье «Особенности вербализации отрицательных эмоций в английском и испанском языках» [2, с. 110-114].

Проанализированные нами примеры указывают на то, что в ситуациях дискомфортного общения используется огромный пласт лексики: пейоративная лексика и выражения, ассоциированный или неассоциированный перлокутивный

эффект употребления которых – оскорбление / унижение партнёра; эмоционально окрашенные слова, отражающие психологическое состояние говорящего в КД-ситуациях; эмоционально окрашенные слова, в значениях которых присутствуют компоненты, отражающие физические показатели состояния коммуниканта в КД-ситуациях; метафорические обозначения дискомфортного состояния коммуниканта; фразеологизмы и т. д. [14, с. 311-312]. Примеры 1-3 ярко иллюстрируют языковое выражение КД на лексико-семантическом уровне лингвистического анализа.

В следующем примере описывается один из возможных способов языкового выражения дискомфортного общения на синтаксическом уровне лингвистического анализа.

(6) – *Это хамство! – неожиданно крикнула Гиря и швырнула красный карандаш. – Неужели никто не может сказать Казаковцевой, что в таких кофтах по школе-то не ходят!*

– *А как же ей ходить?* – удивился Борис Евсеевич.

– *Как все!* – ответила Гиря: *на ней был тёмно-зеленый костюм из чистой полушерсти* [8, с. 43]

Возмущённый коммуникант (Гиря) в своей «пламенной» речи использует восклицательные предложения, которые «выдают» дискомфорт, который она испытывает по отношению к своей коллеге. Вообще говоря о языковых средствах выражения коммуникативного дискомфорта на синтаксическом уровне, часто в КД-ситуациях участники общения используют побудительные предложения (в случаях, когда им необходимо нейтрализовать дискомфорт и достичь своих коммуникативных и практических целей в категори-

ческой форме), условные предложения (более мягкий способ реализации своих намерений и ожиданий), краткие ответы на вопросы собеседника, демонстрирующие нежелание продолжать коммуникацию.

В данной статье мы рассмотрели языковые средства выражения коммуникативного дискомфорта с системных позиций. Подтвердив примерами наличие языковых показателей дискомфорта общения на всех уровнях лингвистического анализа, мы приходим к выводу, что рассматриваемое нами явление диалогического взаимодействия представлено в речи довольно наглядно и способы языкового выражения коммуникативного дискомфорта выполняют метакоммуникативную функцию в описаниях таких ситуаций, являясь «сигналами КД».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gramota.ru> (дата обращения: 10.04.2014)
2. Булгакова Ю.С. Особенности вербализации отрицательных эмоций в английском и испанском языках // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». 2009. №1. С. 110-114.
3. Городецкий Б. Ю. От лингвистики языка – к лингвистике общения // Язык и социальное познание. – М.: Центр. совет. филос. (методол.) семинаров при Президиуме АН СССР, 1990. – с. 39–56.
4. Гудман Б. А. Идентификация референта и связанные с ней коммуникативные неудачи // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып.24.: Прогресс, 1989. – с. 209 – 258.
5. Демьянков В. З. Недопонимание как нарушение социальных предписаний // Язык и социальное познание. – М.: Центр. совет. филос. (методол.) семинаров при Президиуме АН СССР, 1990. – с. 56-65.
6. Мартынова, Е.М. Предпосылки возникновения коммуникативного дискомфорта, определяемые относительно трехуровневой структуры речевого акта // Язык и коммуникация: изучение и обучение: сборник статей. – Орёл: ОГУ, 2000. – Вып.6. – С. 17-20 (6).
7. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. – М.: Прогресс, 1986. – с. 22-129.
8. Поляков, Ю. Работа над ошибками / Юрий Поляков. – М.: Астрель: АСТ, 2009. – 252, [4] с. – (Геометрия любви).
9. Рудов П.А. Информативный диалог конфликтного типа: структурно-семантический и коммуникативно-прагматические аспекты: автореф. дис ... кандидата филологических наук. Новосибирск, 2005. 20 с.
10. Семененко Л. П. Аспекты лингвистической теории монолога. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 1996. 324 с.
11. Стернин, И. А. Введение в речевое воздействие. – Воронеж: Истоки, 2001. – 245 с.
12. Токарева, В. С. Лиловый костюм: [повести, рассказы]. – М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2011.– 315 с.
13. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем. – Том 5. – М.: Наука, 1980 – 544с.
14. Фадеева Е. В. Опыт типологического описания ситуаций коммуникативного дискомфорта по метакоммуникативным показателям // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2013. №4(54). С. 307-313.
15. Шарафутдинова Н.С. Теория и история лингвистической науки [Электронный ресурс] // <http://samorazvitie.net> (дата обращения: 10.04.2014)